

Сыбенова Наталья Николаевна

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ КАК ФАКТОР САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Статья посвящена феномену социального конфликта как важнейшего фактора самоорганизации социальных систем, механизма спонтанного образования новых диссипативных структур более высокого порядка, выступающего одновременно и энтропийным, и антиэнтропийным механизмом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III. С. 162-166. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 1

Статья посвящена феномену социального конфликта как важнейшего фактора самоорганизации социальных систем, механизма спонтанного образования новых диссипативных структур более высокого порядка, выступающего одновременно и энтропийным, и антиэнтропийным механизмом.

Ключевые слова и фразы: социальный конфликт; бифуркация; социальная самоорганизация; кризис; социальный кризис; порядок; хаос; социальный отбор; детектор; селектор; тезаурус.

Наталья Николаевна Сыбенова

Кафедра социальной философии

Бурятский государственный университет

ulana85@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ КАК ФАКТОР САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА[©]

В эпоху глобализации и набирающей темпы информатизации стал насущно важным переход к новой исследовательской парадигме, необходимо предполагающей новое видение проблем путем расширения познаваемой реальности посредством введения новых сущностей или реанимации забытых. Познание социальной действительности в настоящий момент обогащается за счет аккумуляирования и метафорического переноса достижений нелинейной динамики, квантовой релятивистской физики, химии, молекулярной биологии, генетики, теории катастроф, теории информации, синергетики, социоестественной истории и т.д. Так в «диалоге» наук рождаются новые научные подходы социального прогнозирования и моделирования.

Начало исследованиям в области теории самоорганизации было положено западными учеными: Брюссельская школа И. Пригожина, разрабатывающая теорию диссипативных структур (самоорганизация в физических и химических средах); школа Г. Хакена, работающая в области теоретической физики (изучение лазера); и др. В отечественной науке: школа В. И. Арнольда, разрабатывающая математический аппарат для описания катастрофических процессов; школа А. А. Самарского и С. П. Курдюмова строит теорию самоорганизации на базе математических моделей и вычислительного эксперимента; школа В. С. Степина исследует феномен научных революций; В. И. Аршинов и Я. И. Свирский изучают формирование постнеклассической науки; большой вклад в развитие отечественной школы синергетики внесли В. П. Бранский, Г. Г. Малинецкий, К. Х. Делокаров и многие другие.

Основным для всех перечисленных направлений является поиск универсальных закономерностей возникновения порядка из хаоса, описание причин и механизмов относительно устойчивого существования возникающих структур и их распада, предельно общих законов мироорганизации.

Социальная самоорганизация выступает как частный случай «мирового процесса самоорганизации», выступающей концептуальной основой синергетической парадигмы. Однако в отличие от мирового процесса самоорганизации социальная самоорганизация имеет ярко выраженную специфику. Принципиальное отличие социальной самоорганизации от природной заключается в том, что она дополняется организацией, осуществляется в структурах социальных связей человека и является процессом и результатом рефлексии сознания человека на самопознающем уровне, фактом социокультурного взаимодействия. Основными признаками социальной самоорганизации являются непосредственная включенность субъектов в социальную практику, самодеятельное участие, инициативность, ситуативность, спонтанность. Для социальных систем и человека характерны наличие социальной памяти, способности переработки наличного знания и генерации нового знания.

На наш взгляд, социальный конфликт как фактор общественных изменений теснейшим образом связан со взаимопереходами хаоса и порядка. В процессах самоорганизации общества как открытой нелинейной системы обнаруживается противоречивая, дуальная природа социального конфликта, конструктивность которого проявляется через его разрушительность, ликвидацию эволюционно ненужного для «рождения» новой относительно устойчивой структуры. Возникшая структура, длительное время существуя метастабильно, имеет тенденцию вблизи момента обострения (период социальных противоречий) спонтанно распадаться или становиться чувствительной к малым флуктуациям. С. П. Курдюмов отмечает, что «...малые флуктуации в реальных процессах природы существуют всегда. Но именно вблизи обострения, иначе говоря, на асимптотической стадии развития процессов, флуктуации приводят к рассинхронизации процессов – к сильному различию скоростей развития процессов – в различных фрагментах сложной структуры и тем самым к ее стохастическому распаду. Микрохаос рано или поздно прорывается на макроуровень и разрушает то, что он сам строил, стимулирует появление макроскопического хаотического, турбулентного поведения, несмотря на, казалось бы, жесткую детерминированность структуры. Так обнаруживает себя разрушительная, деструктивная сторона хаоса. В этом заключается основа объективного хаотического поведения различных формобразований мира» [5, с. 127-128].

Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов также указывают на конструктивную роль хаоса в процессах самоорганизации. Во-первых, хаос является необходимым условием для выхода системы на один из аттракторов, на одну из возможных структур.... Во-вторых, хаос лежит в основе механизма объединения простых структур в сложные, механизма согласования темпов их эволюции. Хаос выступает здесь как средство усложнения организации и как средство гармонизации темпов развития различных фрагментов сложной структуры. Без хаоса структуры развивались бы в разных темпомирах, а будучи правильно (резонансно) объединенными – благодаря хаосу, проявляющемуся на микроуровне в форме любого типа диссипативных процессов, – в единую сложную структуру, они начинают развиваться с одинаковой скоростью, происходит синхронизация темпов развития процессов в них... В-третьих, хаос может выступать как механизм переключения, смены различных режимов развития системы, переходов от одной относительно устойчивой структуры к другой. Хаос замыкает циклы взаимного переключения режимов (HS – LS), противоположных по смыслу и дополняющих друг друга... Хаос как средство гармонизации сложной структуры, как «клей», который соединяет простые структуры внутри сложной, именно этот хаос грозит обернуться вблизи момента обострения средством «разъедания», средством упрощения и деградации организации, рассогласования моментов обострения внутри сложной структуры. Такова дуальная природа хаоса: он и «клей», и механизм «разъедания» организации одновременно. Но этим не ограничиваются возможные метаморфозы хаоса. Тот же хаос может «спасти» сложную структуру от грозящего ей распада, если за счет хаоса вовремя произошел переброс системы на иной, противоположный режим (HS-режим). Движение к центру сменяется растеканием, разбеганием от центра, усложнение и структурирование – упрощением и сглаживанием неоднородностей, нарастание интенсивности процессов – снижением их интенсивности и т.д., с последующей обратной сменой. Тогда как в ходе LS-режима проявляется тенденция к разрушению гармонии, к распаду созданных структур, HS-режим имеет противоположную направленность. В HS-режиме имеет место не только оживление следов, включение механизмов «памяти», встраивание прошлого в сегодняшний день, но и установление общего темпа изменения (процесса) внутри сложной структуры, прохождение «волны синхронизации». Последнее особенно важно, поскольку синхронизация, совместное действие, согласованный темп развития процессов – все это составляет существо механизмов самоорганизации [Там же, с. 128-130].

Для нас важным является тот факт, что, обосновывая творческую роль хаоса в процессах эволюции социальных систем, С. П. Курдюмов тем самым отмечает конструктивную роль социальных конфликтов, их роль в процессах самоорганизации. Таким образом, социальный конфликт как атрибут хаоса выступает фактором, выводящим на собственные структуры-аттракторы нелинейных систем.

Особый интерес представляют научные взгляды Э. Ласло. В своей книге «Век бифуркации» [6] ученый указывает на набирающие темп и масштабы флуктуации, рост разнообразия, происходящие не только на макроскопическом уровне, например в химии, но и на микроскопическом уровне – в физике элементарных частиц, и в космических масштабах – в современной космологии. Основные акценты в работе ученого сконцентрированы на понятии «бифуркация», «бифуркационный процесс». «...бифуркационный процесс говорит о том, что если систему вывести за порог устойчивости, то она вступает в фазу хаоса. Для системы наступление хаоса не обязательно имеет роковой характер; хаос может оказаться прелюдией к новому развитию. В жизнеспособных системах хаос порождает более высокие формы порядка...» [Там же]. При этом отмечается, что исход бифуркации определяется не предысторией системы или окружающей ее средой, а взаимодействием более или менее случайных флуктуаций в хаосе критически дестабилизированных систем. Одна или несколько флуктуаций, раскачивающих такие системы, внезапно становятся т.н. «центрами кристаллизации», а впоследствии распространяются на всю систему и за относительно короткий промежуток времени подчиняют себе динамику системы. Таким образом, новый порядок, который рождается при этом «в утробе» хаоса, отражает структурные и функциональные особенности той флуктуации, которая стала центром кристаллизации. Однако бифуркация в обществе не всегда обусловлена игрой случая. По мнению ученого, перед субъектами происходящих «событий» открыты возможности управления этим процессом, смещения «изнутри» в нужное русло взаимодействия флуктуаций, возможности создавать новые образцы жизни, вырабатывать альтернативные варианты поведения, вводить целесообразные инновации, создавать эффективные, учитывающие потребности окружающей среды социальные и политические движения, а когда устоявшиеся убеждения и практика оказываются нефункциональными и устаревают, становится актуальным поиск более функциональных и эффективных идей. «Реплицированные и распространенные по быстросредействующим коммуникационным сетям нашего века, эти «подающие надежды монстры», как иногда называют в биологии жизнеспособных мутантов, могут стать главными факторами, определяющими будущее. Исторических примеров социальных бифуркаций, особенно в XX веке, – легион. Внутренний распад и проигранная война в 1917 г. привели царскую Россию за порог стабильности. Система распалась, и из хаоса «Великой Октябрьской социалистической революции» возник Ленин и неожиданный для всех марксистский режим большевиков – тот самый, который распался в 1991 г. в результате другой неожиданной бифуркации. Веймарская республика в Германии достигла своего порога стабильности в конце 20-х годов, и хаос обанкротившегося общества, раздираемого противоречиями, породил чудовище – Гитлера и национал-социализм. В 1948 г. китайские националисты столкнулись с кризисом, в агонии которого Чан Кайши и правивший гоминдановский режим пали, а к власти пришли Мао Цзэдун и его группировка. В более поздние годы аналогичные кризисы стабильности потрясли Кубу, Никарагуа, Эфиопию, Анголу, Иран и Филиппины» [Там же].

Э. Ласло вводит понятия «Т-бифуркации» (возникающие вследствие недостаточной ассимиляции или плохого применения технологических инноваций), «С-бифуркации» (политические конфликты),

«Е-бифуркации» (нестабильности, вызванные крушением локального экономико-социального порядка под влиянием учащающихся кризисов). Независимо от своего происхождения нестабильности с высокой вероятностью распространяются на все секторы и сегменты общества и тем самым открывают двери быстрым и глубоким изменениям. Упомянутые ученым бифуркации, на наш взгляд, являются следствиями социальных конфликтов, имеющих основой непримиримые социальные противоречия. При разрушении прежней социальной системы погибает то, что мешает дальнейшему развитию на пути реализации ее сущности, то, что препятствовало выходу системы на соответствующий аттрактор.

Данные представления позволяют увидеть основу, на которой рождаются и умирают локальные структуры, возникающие вследствие работы флуктуации, и, разрастаясь организуют материал среды в соответствии со своим аттрактором, который, в свою очередь, представляет собой скрытую, «свернутую» будущую форму – результат самоорганизации.

Интересным нам представляется взгляд А. П. Назаретяна. В своей книге «Антропология насилия и культура самоорганизации» он отмечает, что «отношения между обществом и природой, равно как между организмом и средой», будучи изначально кризисными, остаются таковыми по определению, и речь может идти только о степенях остроты кризиса... Устойчивое равновесие требует непрерывного противодействия уравновешивающему давлению среды... Рано или поздно в существовании неравновесной системы наступает фаза опасного снижения устойчивости, когда в силу изменившихся условий наработанные ранее шаблоны жизнедеятельности становятся контрпродуктивными» [7, с. 20]. Эту фазу автор выделяет при помощи термина «кризис». «Кризис способен обернуться катастрофическим разрушением системы, ее частичной перестройкой или качественным развитием ... но оценка во многом зависит от масштаба: что для отдельной системы является катастрофой, в масштабе метасистемы может оказаться продуктивным кризисом. Даже планетарные катастрофы в истории биосферы (сопровождающиеся гибелью большинства видов) иногда становятся творческим импульсом для качественного развития жизни [Там же].

По мнению К. Х. Делокарова, кризис – принципиально важный момент развития любой системы. Он является свидетельством того, что прежние источники развития системы исчерпали свои ресурсы и процессы распада сложившихся структур стали преобладающими. Вместе с тем, что кризис – это новые возможности, поскольку дезорганизация открывает шлюзы новой организации процессу самоорганизации [4, с. 113]. Революционные, экономические, технологические и т.п. структуры консервируются и начинают препятствовать дальнейшему развитию человека. Революции, как и другие, более частные формы столкновения интересов (конфликт, беспорядок, бунт), являются своеобразным ответом на вызовы времени и культуры. Именно накопившиеся проблемы, необходимость их разрешения приводят к революции как форме радикального всеобщего протеста. Кризис – бифуркационная точка, которая ставит человека перед выбором, своеобразный момент истины, включающий в себя различные возможности [7, с. 21].

Сходный взгляд на социальный конфликт как способ разрешения системного кризиса осмыслен ещё К. Марксом. К. Х. Делокаров лишь не абсолютизирует их значения и применительно к революции отмечает, что глобальные противоречия, касающиеся исходных оснований системы, разрешаются подобным способом. Автор отмечает, что кризис активизирует ценности и парадигмальные установки общества, способствует образованию новых союзов между людьми, группами, партиями, приводит к мобилизации защитных механизмов социального организма, формированию новых, более адекватных изменившимся условиям ценностей, позволяет проявиться в полном объеме процессам самоорганизации [4, с. 34-35].

Таким образом, А. П. Назаретян и К. Х. Делокаров указывают на важную эволюционно необходимую роль социальных конфликтов в процессе самоорганизации общества.

Другой отечественный ученый В. Э. Войцехович фокусирует свои исследовательские усилия на понятии «социальный кризис», определяя его как состояние общества, или социальной системы, при котором гармонические, дополнительные, равновесные отношения между частями, сторонами, элементами системы нарушены, что угрожает целостности системы. В состоянии кризиса система находится вблизи состояния хаоса, т.е. эволюционирует от порядка к хаосу или наоборот. Внутри кризисной стадии система проходит ключевую точку эволюции – бифуркацию, где происходит выбор одного из двух возможных путей развития [3, с. 307]. Анализируя примеры кризисных состояний общества в России (Советский Союз) в периоды 1914-1920, 1941-1945, 1985-1999, 1993-1998 гг., ученый отмечает их фрактальный принцип.

По мнению В. Э. Войцеховича, фрактал – это неустойчивая, нестабильная, переходная структура эволюционной системы, специфика которой состоит в ее «промежуточности». Она находится в области «между», в хаотической области – между двумя устойчивыми состояниями:

ПОРЯДОК₁→ХАОС→ПОРЯДОК₂→...

.....

Фракталы

t→

В своих рассуждениях ученый исходит из принципа самоподобия кризиса. Он считает, что исходное противоречие повторяется и в той или иной мере воспроизводится как в более мелких социальных структурах (семья), так и более крупных (межгосударственные отношения), проецируется из политической сферы в

правовую, экономическую, национальную, художественную, бытовую и т.д. Подобным образом кризис обеспечивает себе высокую жизнеспособность и самопроизводимость.

Эволюция социальной системы закономерно проходит стадии порядка (устойчивое, гармоничное состояние) и хаоса (дисгармоничное, неустойчивое состояние), которые периодически сменяют друг друга. В. Э. Войцехович сравнивает кризис с торнадо, в котором из-за быстрого вращения социальных групп вокруг оси хаоса возникает низкое «социальное давление», ослабевают старые социальные связи и отношения. В подобных условиях высшие параметры порядка быстро преобразуют систему, проводят назревшие реформы, а после выхода из кризиса рождается новое, более жизнеспособное общество.

Мы считаем, что представленная картина кризиса как фрактала дает возможность нового понимания социальной эволюции. Стадия хаоса и есть глубокий кризис, порожаемый многоуровневым противоречием системы, социальными конфликтами. Здесь открываются весьма эвристичные возможности прогнозирования моментов бифуркаций, измерения глубины социальных противоречий и степени конфликтности.

Другой ученый В. П. Бранский в процессе анализа сущности взаимопереходов порядка и хаоса вводит понятие «социальный отбор», определяя его как главную побудительную силу процессов самоорганизации. В качестве факторов отбора выступают: 1) «тезаурус», который составляет множество возможных диссипативных структур, потенциально возникающих в недрах актуально существующей структуры как результат соответствующей бифуркации; 2) «детектор», представляющий собой некий механизм выбора из тезауруса определенной бифуркационной структуры, под которым подразумевается внутреннее взаимодействие элементов социальной системы [1, с. 112-129]. На наш взгляд, выбор осуществляется в соответствии с внутренними свойствами системы, детерминируемыми характером взаимодействия её элементов. Ученый обращает внимание на противоречивый характер детектора. Он считает, что выбор осуществляется в ходе «борьбы» между элементами системы. Здесь, нам хотелось бы подчеркнуть, момент эволюционного состояния социальной системы, когда наиболее вероятен социальный конфликт, – момент выбора нового аттрактора. Вместе с потенциально присутствующим в конкурентной «борьбе» конфликтом существует и кооперация элементов системы, обозначенная как «соотношение сил», т.е. в процессе борьбы подсистемы группируются в соответствии со сходными внутренними потребностями в том или ином аттракторе как центре притяжения эволюции системы, и уже эти «коалиции» вступают в борьбу. Здесь можно наблюдать фактор влияния предконфликтной ситуации на процессы внутреннего переструктурирования элементов системы.

Таким образом, вывод, который можно сделать из концепции В. П. Бранского, заключается, по нашему мнению, в том, что детектором, который по сути есть способ взаимодействия элементов системы в процессе выбора дальнейшего пути развития, может стать именно социальный конфликт. Селектор выступает неким помощником детектора в выборе вероятной новой структуры, отвечающим за её наибольшую устойчивость (из всех возможных выборов) в условиях изменившейся среды.

Конфликтный вариант детектора мы связываем с несрабатыванием селектора, когда в наличии имеются несколько сходных по характеристикам диссипативных структур, соответствующих условиям среды. Суперотбор, который отбирает сами факторы отбора, через конфликт (через хаос) выбирает новые тезаурус, детектор и селектор (происходят качественные изменения системы). Соответственно, должно произойти снижение возможностей для появления нового конфликтного детектора, связанного с разрешением противоречий. Поскольку на месте старых противоречий возникают новые, то конфликтный выбор путей развития системы проявляется вновь и вновь. Мы предполагаем, что здесь заключена мысль о неустранимости социальных конфликтов из общества. Так, А. А. Бушмелев отмечает, что действие суперотбора привело к смягчению социальных конфликтов – институционализации, обусловленной наличием правил игры в подобных ситуациях в виде нормативно-правовых актов [2, с. 147-148].

Мы считаем, что социальный конфликт представляет собой социальный феномен, оказывающий значительное влияние на процессы эволюции общества. В своих крайних формах (революция, война) он отражает бифуркационное состояние общества и выступает как атрибут хаоса. Следует подчеркнуть, что на любом уровне своего проявления социальный конфликт является важнейшим фактором самоорганизации социальных систем, т.е. механизмом спонтанного образования новых диссипативных структур более высокого порядка, выступая одновременно и энтропийным, и антиэнтропийным механизмом.

Список литературы

1. **Бранский В. П.** Теоретические основания социальной синергетики // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 112-129.
2. **Бушмелев А. А.** Конфликт как фактор самоорганизации общества: дисс. ... канд. филос. наук. Йошкар-Ола, 2004. 220 с.
3. **Войцехович В. Э.** Кризис в развитии общества как фрактал // Синергетическая парадигма: социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 307-313.
4. **Делокаров К. Х.** Эволюция базовых смыслов современной цивилизации в контексте постнеклассической науки // Синергетическая парадигма: социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 16-36.
5. **Князева Е. Н., Курдюмов С. П.** Основания синергетики: режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. М.: Изд-во «Алетейя», 2002. 416 с.
6. **Ласло Э.** Век бифуркации: постижение изменяющегося мира [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/laslo77.htm>
7. **Назаретян А. П.** Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Изд-во «ЛКИ», 2007. 256 с.

SOCIAL CONFLICT AS THE FACTOR OF SOCIETY SELF-ORGANIZATION

Natal'ya Nikolaevna Sybenova
Department of Social Philosophy
Buryat State University
ulana85@mail.ru

The article is devoted to the phenomenon of social conflict as the major factor of the self-organization of social systems, as the mechanism of the spontaneous formation of new dissipative structures of higher order which is both an entropic and anti-entropic mechanism.

Key words and phrases: social conflict; bifurcation; social self-organization; crisis; social crisis; order; chaos; social selection; detector; selector; thesaurus.

УДК 130.2

Статья посвящена исследованию проблемы преемственности в культовых системах. Через понятие «культовости» как свойства культуры в статье анализируется культовая реальность российского общества прошлого столетия. На примере развития российской культовой действительности рассматривается вопрос о ментальной основе советского идеологического культа. Автор сопрягает культовые традиции православия и советского общества, находя между ними общие точки пересечения. На основе проведенного анализа делается вывод о существовании культовой преемственности в процессе культурного развития России в XX веке.

Ключевые слова и фразы: культ; культовость; инверсия культа; культовая реальность; православие; советская культура.

Константин Николаевич Тендит

Кафедра философии и социологии

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

tenditkn@rambler.ru

**ПРАВОСЛАВНАЯ И СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРЫ:
ТОЧКИ СОПРЯЖЕНИЯ КУЛЬТОВЫХ ТРАДИЦИЙ®**

Традиционной культовой системой для России на протяжении вот уже второго тысячелетия остается православное христианство, являясь одновременно государственной (до 1917 г.) и этнической религией русского народа. Долгие годы оно составляло культовую ткань общественной жизни славянского населения Российской империи, а с позднего периода сталинской эпохи – стало ментальной основой для советской культовой идеологии.

Православное христианство в нашей стране за свою тысячелетнюю историю сформировало особые культовые пласты в менталитете русского человека, которые не исчезли даже в ходе социальных потрясений и революций. Скорее, наоборот, они неоднократно использовались в качестве структуры, в которую отливались новые идеологические пристрастия властей и массовое сознание народа. Но, прежде чем говорить о трансформации культовой реальности россиян в XX веке, следует определиться с предметом и методом нашего анализа.

В современном обществе понятие «культ» и производное от него «культовость» приобрели просто всепоглощающий характер. Однако до сих пор изучение феноменальных проявлений культа, как правило, не выходит за рамки религиозноведческой проблематики, что отчасти объясняется господством в некоторых отраслях гуманитарного знания классической научной парадигмы. При этом в языковой практике нашего времени понятие «культ» давно потеряло свое прежнее значение как религиозного феномена и приобрело статус «рабочего» операционального понятия, использующегося для обозначения особого рода отношения человека к некоторым аспектам окружающей действительности. Феноменальной чертой данного отношения является особый вид поклонения, при котором человек уподобляется либо стремится уподобиться объектам своего культа. Поэтому сегодня необходим нетрадиционный подход, иной угол зрения на культ, при помощи которого мы смогли бы отразить как старые, так и новые содержательные аспекты, присущие феномену культа в современном обществе.

Неклассические подходы и методы научного исследования, появившиеся в XX веке, позволили обнаружить присутствие элементов культовости во все культурно-исторические эпохи и доказать, что культ – это явление не только религиозной жизни. Было установлено, что культовость в качестве первичной ментальной